ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

КАКОЙ

ПРИЯТНЫЙ ПАРЕНЬ

Он угостил её в баре. Это был её последний вечер.

18+

КСЕНИЯ ХЕЛЬВЕГР

Kseniya Helvegr

Какой приятный парень

«Автор»
2026

Helvegr K.

Какой приятный парень / K. Helvegr — «Автор», 2026

Джесси Харлан всегда звонила матери, если задерживалась. В ту пятницу она не позвонила.Во Флориде бесследно исчезают женщины. Разного возраста, с разными судьбами, привычками и мечтами. Между ними нет ничего общего. На первый взгляд.Никто не слышал криков. Никто не видел борьбы. Женщины уходили сами, доверившись человеку, которого окружающие описывали одинаково: приятный, внимательный, воспитанный.Детектив Марк Рейнольдс пытается найти закономерность там, где другие видят лишь несвязанные исчезновения. Но чем глубже он погружается в старые дела, тем яснее становится: он ищет не просто преступника. Он пытается понять человека, который знает о своих жертвах то, чего они сами о себе не подозревают.**Ведь иногда самое страшное начинается не с угрозы. А с доброты.**«Какой приятный парень» — психологический триллер о доверии, одиночестве и невидимой границе между заботой и опасностью.

© Helvegr K., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1 6
2 9
3 12
4 15
5 23
6 31
7 38
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Kseniya Helvegr
Какой приятный парень

Какой приятный парень
Роман
Ксения Хельвегр
Kseniya Helvegr
El hombre amable / Какой приятный парень
Перевод с испанского на русский язык

1

Под дождём, залившим полштата, девушка во второй раз поправляла волосы, чтобы произвести впечатление на кого-то особенного.

Джесси Харлан было двадцать пять лет, и у неё была теория: хорошая жизнь начнётся со следующего месяца. Вот когда она перейдёт на другую смену в магазине, когда накопит на машину, когда мать перестанет обращаться с ней как с малолеткой, обязанной отчитываться — во сколько придёт, где ночует, если не вернётся до двенадцати. А пока она жила мелкими радостями: первая затяжка у чёрного хода торгового центра, радио на полную с опущенными стёклами, пятницы. Пятницы были священны. Не потому, что случалось что-то особенное, а потому, что это был единственный день, когда она позволяла себе верить, будто «следующий месяц» уже близко. Она выбиралась с подругами, танцевала и на какое-то время забывала о чудовище, которым оказался её бывший, о побоях, отключалась от взрослых проблем, пытаясь оправиться от тех токсичных отношений.

Она распустила волнистые волосы и надела серую толстовку, которую мать ненавидела. Но была пятница. Её день.

— Куда собралась? — спросила мать с кухни.

— Да так. С девчонками.

— Позвонишь?

— Позвоню, мам. Я всегда звоню.

И это было правдой. Джесси звонила всегда — не из послушания (с матерью она спорила чуть ли не каждый день), а потому что знала: мать не сомкнёт глаз за ночь, если она не позвонит до двенадцати.

Бар назывался «Шутерс». Старый ковбойский бар, неказистый, с тем особым шармом, который некоторые вещи обретают, когда достаточно состарятся.

Там были Дана и остальные девчонки из их компании, и два часа Джесси была именно той, кем хотела быть: девушкой без неоплаченных счетов, хохочущей во всё горло, ловящей на себе взгляды. Она поставила раунд, хотя была не её очередь. Половину песни отплясывала одна у стойки. В какой-то момент Дана повисла у неё на плече, уже с сумкой наперевес.

— Я побежала, а то с няней расплачиваться — разорение. — Она говорила ей на ухо, сквозь шум. — Ты только не засиживайся допоздна.

— Спокуха, я с одним знакомым договорилась встретиться.

— Ага. И кто он? Умираю от любопытства.

— Один парень, познакомились, когда я бумажки на права подавала. Он помог мне заполнить эту тысячу бланков, ну, знаешь, бюрократия. Он свой продлевал.

— Умираю от любопытства, но мне бежать. Расскажешь в понедельник на работе, ладно?

— Да, ладно.

— И не напивайся, слышишь? Как в прошлый раз.

— Да не буду я, зануда. — Джесси рассмеялась. — Ещё бокал — и домой.

— Один.

— Один.

Дана погрозила ей пальцем — вполшутки, вполсерьёз — и ушла. Джесси осталась с недопитым бокалом и с этим тёплым, добрым ощущением одиннадцатого часа пятничного вечера, когда ночь ещё молода и в ней ещё может случиться что-то хорошее. Именно тогда она увидела, как он вошёл.

Она узнала его сразу и почувствовала глуповатое облегчение — как когда на вечеринке, полной незнакомцев, наконец появляется знакомое лицо.

Они познакомились несколько недель назад, в той бесконечной очереди в отделе дорожной полиции, где она впервые воевала с бумагами на права и не понимала половины формуляров. Он стоял рядом, продлевал свои, и, видя, как она сражается с графами, наклонился и стал подсказывать совершенно естественно: это — заглавными, это оставь пустым, а эту графу все пропускают. Он заполнил ей полбланка, хотя она его не просила, с терпением, редким в месте, где все пыхтели и косились на часы. Четыре часа очереди — и он единственный не жаловался. На прощание обменялись парой фраз и дежурным «если пересечёмся по району — стаканчик». Одним из тех вежливых обещаний, которые никогда не выполняются.

И вот он стоял здесь — выполнял его.

— Не могу поверить, — сказала Джесси, смеясь. — Тот самый, с бумажками.

— Тот самый, с бумажками. — Он без спешки сел на табурет, который освободила Дана. — Я же говорил, что это мой бар. Ты не поверила.

— Я тебе вообще ничему не поверила, это правда. — Джесси повернулась к нему, довольная. — Ну и как? Продлил в итоге права или завернули из-за фотки?

— Продлил. — Он засмеялся по-настоящему, глазами. — А твои как? Экзамен сдала?

— Со второго раза. — Она закрыла лицо руками, хохоча. — Не напоминай.

С ним было легко разговаривать. Он не был похож на барных кавалеров, которые выпалят сальный комплимент — и уже считают, что им всё позволено. Он — нет. С ним было иначе. Ей было уютно, будто она знала его всю жизнь, будто ему можно было рассказать что угодно — и он поймёт. А такое, подумала Джесси, случается не с каждым.

Он не старался. В этом и была ловушка. Не травил анекдоты, не хвастался, не спешил заказывать следующий раунд. Он просто спрашивал. Спрашивал и слушал, и Джесси понадобилось двадцать минут, чтобы сообразить: она рассказывает ему то, чего не рассказывала никому. Про машину, которую хотела. Про «следующий месяц». Про мать — хотя и не этими словами; она сказала и хуже, и лучше, а он не обесценил, не отмахнулся своим «да ладно, мама же тебя любит». Он просто кивал, негромко, словно чувствовать такое было вполне разумно.

Джесси никто так не слушал: ни мать, ни придурок, с которым она встречалась, ни девчонки — те её любили, но говорили все разом. Этот человек давал ей единственное, чего у неё никогда не было в избытке: внимание целиком, без спешки, ничего не требуя взамен.

— Слушай, — сказала она в какой-то момент, язык уже слегка заплетался, — а ты сам-то чем занимаешься? А то за весь вечер о себе — ни слова.

Он улыбнулся, и на секунду — всего на секунду — что-то в этой улыбке не до конца зажгло глаза.

— Всякое лабораторное, — сказал он. — Скукота. Я лучше тебя послушаю.

Он снова принялся спрашивать. Джесси снова заговорила. Она не заметила, сколько прошло времени. Вдруг оказалось, что бар опустел, а он расплатился с небрежностью человека, который не торгуется из-за счёта. И оставил чаевые — ровно столько, сколько положено.

Снаружи стояла одна из тех липких южных ночей, когда влажность ложится на затылок, словно тёплая ладонь. Парковка тонула почти в полной темноте: единственный исправный фонарь перегорел недели две назад. Его машина стояла в стороне, в неосвещённой зоне. Серая, чистая, неприметная. Ничего такого, что бросалось бы в глаза.

Джесси на секунду вспомнила про звонок. «Я в порядке, не жди меня, ложись». Подумала, что надо бы позвонить — она ведь всегда звонила. Но телефон в баре не работал который день, а ближайшая будка была в изрядном пешем ходу, да ещё под таким дождём.

Дождь припустил сильнее. Он, глядя на небо, сказал, что если она хочет, он её подбросит до дома. Она сказала: да. На машине она будет дома в два счёта, до двенадцати, даже раньше, чем мать начнёт волноваться. Зачем звонить, если она успеет до полуночи? Они пошли к машине, припаркованной в неосвещённой зоне, и он открыл ей дверцу со стороны пассажира.

И Джесси этот жест обезоружил сильнее всего, что ей говорили за весь вечер. Впервые в жизни кто-то вот так открыл перед ней дверцу машины.

Джесси села в машину и захлопнула дверцу.

Машина подождала несколько секунд — спокойно, без малейшей спешки, словно впереди у них была целая жизнь. Потом зажглись фары, и она выехала с парковки на тёмную трассу. Южная ночь сомкнулась за ней, как вода.

Джесси не позвонила.

2

Телефон не зазвонил — и это было первым сигналом.

Мать Джесси проснулась в три десять утра, сама не зная отчего. Она лежала в постели и слушала дом — холодильник, дождь, тишину коридора, — пока не поняла, чего не хватает: звонка. Джесси не позвонила. А Джесси звонила всегда.

Она поднялась и пошла в её комнату. Кровать стояла нетронутая. Толстовки, которую Джесси всегда скидывала, придя домой, не было на стуле, и её туфель не было у двери. Она прошлась по коридору — бессмысленно, бесшумно, — словно дочь могла притаиться в каком-нибудь углу дома. Её не было.

Они могли ссориться, Джесси могла вернуться под утро или дуться на полсвета — и всё равно она набирала номер из телефонной будки и произносила две фразы. Ни единого сбоя за пять лет.

В шесть она зажгла во всём доме свет — словно свет мог вернуть дочь. В восемь позвонила Дане. Голос Даны за две секунды перешёл от сонного к чистому страху, и именно эта перемена заставила мать Джесси расплакаться.

К полудню мать Джесси уже стояла у стойки в полицейском участке округа Бровард, вцепившись обеими руками в плетёную сумку так, что побелели костяшки, и говорила молодому офицеру, что её дочь не вернулась домой.

Дана, отказавшаяся отпускать её одну, ждала шагом позади, скрестив руки, с лицом человека, который уже догадывается, что ему ответят.

— Она всегда предупреждает, — твердила она. — Она звонит мне с таксофона, чтобы я шла спать. Вы её не знаете. Она никогда так не делает. Она всегда звонит, если не ночует дома.

Офицер О'Мэлли заполнял формуляр с механическим видом человека, который три года слышит одно и то же. Пятничная ночь, молодая девушка, пара бокалов, домой не вернулась. Статистика.

— Начнём со стандартного, — сказал он, не поднимая толком глаз. — Больницы, аварии, пара звонков её подругам. Идите домой, мэм: девять из десяти возвращаются сами в воскресенье, с похмелья.

Мать подписала, и синие чернила поплыли от пота на ладони. Она не ушла. Осталась стоять в вестибюле, словно уйти — значило разжать верёвку, которая ещё привязывала её дочь к миру.

Десять часов спустя бумага О'Мэлли лежала на столе отдела убийств, и детектив Марк Рейнольдс читал её с засохшим пятном горчицы на галстуке и сорока часами без постели за плечами.

Галстук был заляпан ещё со вторника. Рейнольдс был крупным, усталым человеком, который ел стоя, над раковиной в квартире, где до сих пор всё отдавало «съёмным», и на такие вещи — на пятно, на оторванную пуговицу — уже два года никто не смотрел, прежде чем он выходил за дверь. Он вторую ночь спал в кабинете. Он говорил себе, что из-за дела; правда была в том, что пустую квартиру выносить было труднее, чем рабочий стол.

— Давно к нам такое не попадало, — сказал он, откладывая рапорт. — Молодая девушка, которая всегда предупреждает, которая не пропускает работу. И вот в пятницу не приходит домой и не отмечается в магазине к десяти. Без звонка, без записки, без ничего.

Он посмотрел на фотографию, которую принесла мать: Джесси улыбается, в профиль, с волнистыми волосами. Одна из тех фотографий, полных жизни, которые становятся невыносимыми, когда на них впервые смотрит полицейский.

— Начнём с того места, где её видели в последний раз.

— Она совершеннолетняя, и семидесяти двух часов ещё не прошло, — сказал напарник.

— Знаю. Но эта девушка не пропускает работу и не ночует вне дома, не позвонив матери. Никогда. — Рейнольдс взял куртку. — Идём?

— Куда?

— Туда, где её видели в последний раз.

Брукс и Рейнольдс сначала поговорили по телефону с подругами Джесси. Все рассказали одно и то же: вышли впятером, провели вечер в «Шутерсе», выпили, потанцевали, ничего особенного. Расходились одна за другой, Дана ушла последней. На прощание Джесси сказала, что задержится ещё ненадолго, что договорилась встретиться с новым знакомым — мужчиной, с которым познакомилась в очереди за водительскими правами; он продлевал свои. Никто из девушек так и не увидел его лица. Все ушли до того, как он появился.

— Итого, — сказал Брукс, вешая трубку, — типа никто не видел.

— Значит, едем в бар. — Рейнольдс уже стоял на ногах. — И по дороге я угощаю тебя кофе, а то до пяти вечера ты живым не дотянешь.

Брукс рассмеялся.

— Завидуешь, признайся. От тебя жена ушла, потому что ты был влюблён в работу, а не в жену, так что не читай мне нотаций.

— Она от меня не ушла. Любовь кончилась. Это разные вещи, — сказал Рейнольдс, и сказал без всякой драмы, как читают сводку.

Они пошли к машине. Брукс вёл в хорошем настроении, румяный, с брюшком человека, который дома хорошо ужинает: он оставил жене готовый завтрак, к её пробуждению. Четыре года вместе, а он всё рассказывал об этом так, словно не может привыкнуть к своему везению.

— Четыре года, а ты ей всё ещё готовишь завтрак. — Рейнольдс смотрел в окно. — Пройдёт.

— У тебя прошло.

Рейнольдс не ответил.

«Шутерс» днём был неказист и пуст. Бармен оказался полезнее подруг: некий Фрэнк, который стоял за стойкой в тот вечер и обладал хорошей памятью.

— Мы расследуем исчезновение этой девушки. — Рейнольдс показал ему фото. — Знакома?

— Она была здесь вчера вечером, с подругами. Когда они ушли, около одиннадцати, к ней подошёл один тип. Вскоре они вышли вместе. — Фрэнк пожал плечами. — Запомнил, потому что она спросила, не починили ли мы телефон, — хотела позвонить матери. Она всегда звонила до двенадцати. Они постоянные клиентки, хорошие девчонки.

— Вижу камеры, — сказал Брукс, указывая в угол.

— Умнеешь на глазах. Чего не сделает хороший кофе, — пробормотал Рейнольдс.

— Они фальшивые, — сказал Фрэнк. — Муляжи. Но народ, когда их видит, пьёт с умом.

Рейнольдс посмотрел на муляж камеры, нацеленный на стойку. Бар без настоящих записей и лицо, которого никто не видел вблизи.

— А о мужчине что можете рассказать?

— Платил наличными. Без спешки. Чаевые оставил ровные: ни жадные, ни щедрые — из тех, на которые не обращаешь внимания. Вышли вместе через главный вход. Она была довольная.

Довольная. Это слово и застряло у Рейнольдса.

Рейнольдс снова посмотрел на фальшивую камеру.

— Он оставил нам негусто, — сказал он.

— Сможете его описать?

— Обычный тип. Каштановые волосы, приятный, хорошие зубы. — Фрэнк поразмыслил. — Мог бы заехать в участок и помочь с фотороботом, если хотите.

— Завтра в девять, — сказал Рейнольдс. — А раньше вы его здесь видели?

— Никогда. Хотя он сказал, что это его любимый бар. Но я его в жизни не видел. Впрочем, нас трое в ночных сменах; может, кто-то из остальных и видел.

— Как сделаем фоторобот, поговорим с остальным персоналом, — сказал Брукс.

— Точно умнеешь. — Рейнольдс взял ключи. — Поехали на парковку. Если кто-то работал там вчера вечером, может, он видел машину.

Парнишка с парковки был на месте — тощий пацан, который по пятницам помогал рассаживать машины, когда «Шутерс» заполнялся. Про Джесси он ничего не знал, зато знал про машины, и это оказалось почти лучше.

— Серая, — сказал он, когда Рейнольдс её описал. — Марку не скажу, ничего такого. Но диски мне запали. Не знаю, глаз зацепился. Как бывает, когда что-то не сходится, а ты не понимаешь, что именно.

— Видел, как девушка уходила с ним?

— Ага. Он открыл ей дверцу с пассажирской стороны. Она чему-то засмеялась и села сама. Он её не толкал, ничего такого. Словно они были знакомы.

— А номер?

Парень прищурился, разыскивая картинку в памяти.

— Не целиком. Флоридский, из тех, где три буквы и три цифры. Помню одну «К»; может, их там две было. А цифры… готов поклясться, что начинались с нуля, но я не разглядел. Мне больше диски запомнились, чем табличка.

Рейнольдс записал каждый обрывок и приколол листок рядом с фотографией Джесси. Это был не номер. Это не была даже зацепка — пока. Но это было нечто, что водитель оставил позади, сам того не зная, потому что кто-то другой случайно разглядывал машины.

Рейнольдс засиделся допоздна: записка парнишки с парковки — рядом с фотографией Джесси.

Его тревожило не только то, как мало у них было. Его тревожило, как это произошло.

Никто не слышал крика. Никто не видел ссоры. Никому не пришлось её заставлять сесть в машину.

Джесси вышла из бара довольная.

Она пересекла парковку своими ногами.

А когда тот человек открыл ей дверцу машины, она села внутрь.

Рейнольдс снова посмотрел на фотографию.

Вот чего он пока не понимал.

3

Заявление поступило во вторник утром, и подала его не мать и не муж.

Рут вела группу поддержки, которая собиралась по понедельникам в зале прихода. Она стояла у стойки с неловким видом человека, не знающего, не выставляет ли он себя дурой.

— Может, это вообще ничего, — сказала она. — Но Марга не пропадает. Никогда. А вчера она вышла с группы, сегодня не пришла на работу, в школе говорят, что она не звонила, а она всегда звонит, если что-то случается и она не может выйти. — Она сглотнула. — Шестнадцать лет без единого прогула. Такие люди не исчезают с одного дня на другой.

Дежурному у стойки это прозвучало как всё то же самое: взрослая женщина не ночевала дома. Так бы это и похоронили в архиве, если бы фамилия не легла на стол Рейнольдса в тот же день после полудня. Рейнольдс уже который день не мог выбросить Джесси Харлан из головы, и у него что-то похолодело внутри, когда он прочёл, как всё было: вышла одна, вечером, из одного и того же места, и растаяла начисто — между дверью и автобусной остановкой.

— Это он, — сказал он Бруксу, ещё не имея ровным счётом ничего. — Та же рука.

— Не гони, Марк. Ты даже не знаешь, кто эта женщина.

— Так пойдём и узнаем.

Тут и началось то, что у Рейнольдса получалось лучше всего на свете: восстанавливать человека, которого он никогда не видел, по тому, что оставляли о нём другие. У Марги — Маргарет Томпсон, сорок шесть лет, школьной администраторши — почти не было никого, кто бы её хватился, и это само по себе уже было фактом. Заявили координатор группы и соседка, которая кормила её кота.

Кота звали Портеро, и он уже два дня орал в пустой квартире. Это было первое, что они обнаружили, войдя: маленькая квартира, вылизанная до скрупулёзности, ухоженные цветы на балконе и библиотечные романы, сложенные на тумбочке стопками по три. Вся жизнь одной женщины умещалась в двух комнатах, и всё в ней говорило одно и то же: здесь жил человек, который не ждал гостей и справлялся сам.

— Невидимая женщина, — пробормотала Симмонс, оглядывая квартиру. — Из тех, что съёживаются, чтобы никому не мешать.

— Из тех, о ком никто не спохватывается вовремя, — сказал Рейнольдс. — Кроме кота.

Но по-настоящему следствие сдвинулось именно в понедельничной группе. Рейнольдс и Симмонс сели с её участницами — с дюжиной людей, которых с Маргой объединяло одно и то же: тело, прожитое как приговор, — и оттуда вышло одновременно и портрет женщины, и первая тень мужчины, который заставил её исчезнуть.

Сходились во всём. Что Марга была молчуньей, что всегда садилась в угол, что двадцать лет никто не трогал её без нужды. Но больше всего сходились в другом: последние недели Марга стала другой. Весёлой. Странной. Дважды смеялась. Приносила кекс. А когда Рут спросила её, полушутя, что это с ней, отчего она такая хорошенькая пришла, Марга залилась краской, как девчонка, и сказала: да ничего, просто познакомилась с кем-то.

— С кем? — спросил Рейнольдс и заметил, как Лиза Симмонс — миниатюрная, с короткими седеющими волосами, которые она не утруждала себя красить, — выпрямилась рядом.

— С мужчиной. — Рут замялась. — Не из группы. Познакомилась снаружи, в очереди к врачу, к эндокринологу. Говорила, что он разговаривал с ней, пока они ждали, — будто это самое естественное на свете. Спрашивал про её цветы. Помнил про её кота. — Рут понизила голос. — Она нам повторила одну его фразу, и у Марги глаза наполнялись, когда она её повторяла. Что он разговаривал с ней так, будто её тело не было проблемой. Будто ему не за что было её прощать. — Она посмотрела на Рейнольдса. — Двадцать лет никто не говорил ей ничего подобного, детектив. Она была… окрылена. Как девочка.

Рейнольдс записывал каждое слово с выдержкой, которой в себе не чувствовал. Любезный мужчина. Который появился именно в той очереди к врачу, где должна была оказаться женщина, воюющая со своим телом. Который помнил про её кота, про её цветы. Который произнёс единственную фразу, способную обезоружить человека, полжизни стыдившегося самого себя. Это не был роман в очереди к врачу. Это был ключ, выточенный под вполне конкретный замок.

Он попытался, помимо своей воли, вспомнить, когда он сам в последний раз говорил кому-то что-то, от чего у человека так наполняются глаза, — и не вспомнил. Не потому что забыл: он такого просто не говорил.

— Мне нужно, чтобы кто-нибудь из вас его описал, — сказал он.

И тут они уперлись в то же, что и с Джесси. Никто не видел его вблизи. Марга никогда не приводила его в группу. Никто не знал ни его имени, ни лица, ни чем он занимается — «что-то в лаборатории, кажется, он говорил». Мужчина, от которого осталось одно приятное ощущение и ни единой черты. Присутствующий в жизни Марги последние недели — и при этом невидимый, безликий, словно он точно знал, докуда можно себя показывать.

Вернувшись в участок, Рейнольдс положил на стол обе карточки — Джесси и Маргу, одну рядом с другой, и сделал первое, что делает любой полицейский в мире: стал искать, чем похожи жертвы.

Похожее отсутствовало напрочь. Двадцать пять лет против сорока шести. Миниатюрная девушка со всей жизнью впереди и женщина с лишним весом, на двадцать лет старше Джесси, невидимая. Джесси гуляла по ночам, пила, кокетничала. Марга в жизни не переступала порога бара, ложилась в десять, выращивала цветы. Ни района, ни работы, ни врача, ни церкви у них общих не было. Они не были знакомы. Рейнольдс трижды перекрёстно проверил — записные книжки, списки, телефоны — и ничего. Две жизни, которые ни разу не соприкоснулись. Даже волосы не совпадали: каштановые волнистые против коротких седых.

Если это был серийный убийца, то убийца без типажа, без вкуса, без почерка. А убийца без почерка — почти хуже, чем отсутствие убийцы, потому что нельзя предугадать, кого он возьмёт следующим. Подходит любой. А если подходит любой — никого нельзя защитить.

Шеф сказал ему это, облокотившись о дверной косяк, с истрепанным терпением человека, у которого висят двенадцать незакрытых дел.

— Нет связи, Рейнольдс. Одна молодуха отправилась гулять. Одна пожилая дама, возможно, устала от своей жизни. Нет общей жертвы, нет мотива, нет даже трупа. У тебя нет дела. У тебя два исчезновения, которые слиплись у тебя в голове, потому что ты сорок часов не спал.

Рейнольдс не спорил. На бумаге шеф был прав. И тем не менее он остался тем вечером, когда зал опустел, перечитывая оба протокола строчку за строчкой, ища нить. И нашёл её там, где не искал: не в жертвах, а на полях. В том, что видели другие.

В деле Джесси соседка упомянула, почти вскользь, что серый автомобиль две ночи стоял напротив дома за неделю до исчезновения. Машина, которой на этой улице не было.

А в деле Марги, похороненная среди показаний группы, ещё одна оброненная фраза: кто-то видел, как Марга однажды села в машину у выхода от врача. Тёмную машину. Серую, как ему показалось.

Рейнольдс замер.

Их не связывал ни район, ни возраст, ни тело, ни жизнь. Они никогда не видели друг друга. Единственное, что было общего у Джесси и Марги на всём белом свете, — серая машина, которая побывала возле каждой из них, за несколько дней до, и ждала. Машина, которая смотрела на них, прежде чем увезти.

Он выбирал их не за то, кем они были. Он выбирал их за что-то, что видел он и о чём они сами не знали, что выставляют напоказ. И он их изучал заранее. Обеих. Неспешно.

Рейнольдс ещё не мог подобрать название тому, у чего оно уже было, но это было вот что: перед ним стоял охотник, который искал не добычу, а женщину, которой было нужно, чтобы её выслушали, и умел распознавать её в женщинах, у которых не было ничего общего между собой. Охотник терпеливый, невидимый, без почерка на плоти, потому что его почерк лежал в другом месте — там, куда Рейнольдс пока не умел смотреть.

4

Наутро Рейнольдс позвонил в «Шутерс» раньше, чем Фрэнк успел явиться в участок.

— Не приезжай, — сказал он.

На том конце повисла пауза.

— Это как это — не приезжай? Ты вчера сам сказал: к девяти.

— Я передумал. Мы приедем сами.

— С художником?

— С художником.

— Зачем?

Рейнольдс посмотрел на папку Джесси.

— Потому что ты видел его там.

Фрэнк не понял ответа, но спорить не стал.

— Моя смена начинается в одиннадцать.

— В одиннадцать будем.

Он повесил трубку.

Симмонс подняла глаза от своего стола.

— Это с каких пор мы возим художников по барам?

— С тех пор как свидетель лучше вспоминает лицо, глядя на табурет, где тот сидел, чем на серую стену участка.

— Ты это только что выдумал.

— Может быть.

Он взял куртку.

— Но звучит неплохо.

Днём «Шутерс» казался меньше.

Без музыки, без дыма и без толпы, притёртой к стойке, он терял почти весь свой шарм. Свет обнажал круги от стаканов на дереве, отставший угол пола и фальшивые камеры, которые по-прежнему смотрели в никуда.

Фрэнк расставлял бутылки, когда они вошли.

Художника звали Моррис. Ему было около пятидесяти, под мышкой он держал огромную папку, а вид у него был отрешённый — как у человека, который провёл слишком много часов, пытаясь превратить слова вроде «обычный нос» и «глаза как глаза» в узнаваемое лицо.

Они сели за столик рядом со стойкой.

— Здесь? — спросил Моррис.

Фрэнк огляделся.

Потом указал.

— Он сидел вон там.

Табурет, который освободила Дана.

Рейнольдс посмотрел на него.

Было нелепо, что столь заурядный предмет мог начать казаться важным только потому, что кто-то на нём сидел.

Моррис раскрыл папку.

— Так. Не пытайтесь вспомнить весь портрет сразу. Пойдём по частям.

Фрэнк кивнул.

— Возраст.

— За сорок.

— Точно?

— Под сорок, за сорок. Где-то так.

— Это разница почти в десять лет.
— Ну рисуйте сорок.
Моррис посмотрел на Рейнольдса.
— Так это и работает.
Он начал рисовать.
Лоб.
Челюсть.
Волосы.
Фрэнк поправлял мало.
— Не такая квадратная.
Моррис стёр.
— Так?
— Примерно.
— Глаза?
Фрэнк нахмурился.
— Обычные.
Моррис отложил карандаш.
— Если бы каждый свидетель, говорящий «обычные», платил мне доллар, я бы уже вышел на пенсию.
Фрэнк улыбнулся.
— Так они и были обычные.
— Близко? Широко?
— Ни так ни так.
Моррис вернулся к бумаге.
Рейнольдс молчал.
Симмонс тоже.
Постепенно проступил мужчина.
Ещё не человек.
Просто детали.
Каштановые волосы.
Заурядный лоб.
Нос без особых примет.
Рот, который Фрэнк помнил лучше улыбающимся, чем серьёзным.
— У него были хорошие зубы, — сказал он.
— Очень белые?
— Нет. Хорошие. Все. Ровные.
— Это помогает.
Моррис изменил рот.
Фрэнк подался вперёд.
— Да.
Это был первый раз, когда он сказал это с настоящей уверенностью.
Да.
Моррис продолжил.
Минут через сорок он положил карандаш на стол.
— Смотрите.
Фрэнк взял рисунок.
Он ответил не сразу.
Рейнольдс заметил, что тот чего-то ждёт.
Реакции.

Узнавания.

Может, даже страха.

Но Фрэнк лишь слегка нахмурился.

— Похож.

— Похож или это он? — спросил Рейнольдс.

— Не знаю, как тебе на это ответить.

Он вернул лист Моррису.

— Войди он сейчас — я бы, наверное, сказал «да». Но если спрашиваешь, готов ли я руку на отсечение дать за этот рисунок, — нет.

Рейнольдс взял лист.

И понял почему.

Человек на бумаге был необычайно непримечателен.

Ни шрама.

Ни броской челюсти.

Ни бровей, которые можно было бы потом описать.

Не такое лицо, на которое невольно оборачиваешься.

Симмонс склонилась над его плечом.

— Похож на кого-то.

— Для портрета это обычно полезно, — сказал Моррис.

— Нет. Я хочу сказать — он похож на… кого угодно.

Фрэнк кивнул.

— Вот-вот.

Моррис откинулся назад.

— Большинство людей похожи на кого угодно.

— Угу, — сказал Рейнольдс.

Он не отрывал глаз от рисунка.

— Но не у каждого в машину садится пропавшая женщина.

В двенадцать сменилась смена.

Вошёл Марти, один из ночных барменов, с пакетом еды под мышкой. Следом подошёл Пит, который выходил по субботам, когда здесь битком.

Фрэнк помахал им.

— Идите-ка сюда.

Пит снял куртку.

— Что я натворил?

— Гляньте.

Рейнольдс положил портрет на стойку.

Он не сказал им, кто это.

— Знакомый?

Марти наклонился первым.

Покачал головой.

— Нет.

Пит смотрел дольше.

— А должен?

— Просто скажи, видел ты его здесь.

— Не припомню.

Фрэнк скрестил руки.

— Это тот, кто ушёл с Джесси.

Лицо Пита изменилось.

— С Джесси Харлан?

— Да.

— Джесси-то я, конечно, знаю.

Он снова посмотрел на рисунок.

— А этого — нет.

Рейнольдс облокотился о стойку.

— Сколько ты здесь работаешь?

— Пять лет.

— А ты? — спросил он Марти.

— Почти семь.

— Все смены?

— Мы втроём делим ночи.

Рейнольдс указал на рисунок.

— Он сказал Джесси, что это его бар.

Пит коротко хмыкнул.

— Ну, в духовном смысле, может, и его.

Никто не ответил.

Пит снова глянул на лист.

— Здесь он завсегдатаем не был.

— Точно?

— Слушай, детектив, я не знаю поимённо всех, кто проходит в эту дверь. Но завсегдатаев — знаю. Тех, кто приходит каждую пятницу, кто садится всегда на одно место, кто пьёт одно и то же, зануд, тех, кто оставляет хорошие чаевые, и тех, кто не оставляет вовсе.

Он указал на фотографию Джесси, которую Рейнольдс положил рядом с портретом.

— Её — да. Приходила с девчонками. Хорошая девчонка.

Потом указал на нарисованного человека.

— А этот — нездешний.

Марти кивнул.

— Я его тоже не помню.

Фрэнк посмотрел на Рейнольдса.

— Я тебе сразу сказал, что никогда его раньше не видел.

Рейнольдс вновь уставился на портрет.

До этого момента у него не было ничего, кроме подозрения и серой машины.

Теперь у него было кое-что другое.

Маленькое.

Но верное.

— Он солгал ей, — сказала Симмонс.

Рейнольдс едва заметно покачал головой.

— Мы знаем, что он сказал: «мой бар».

— И мы знаем, что никто из троих его не знает.

— Вот это мы знаем.

Симмонс поняла поправку.

Им не требовалось идти дальше.

Пит указал на портрет.

— Можно спросить?

— Конечно.

— А что в этом типе особенного?

Рейнольдс посмотрел на лист.

— Пока — ничего.

И именно это начинало его тревожить.

Парнишка с парковки появился полчаса спустя.

Фрэнк окликнул его от двери.

Он подошёл с руками, чёрными от возни с мотором, и с выражением человека, который ждал, что Рейнольдс снова будет спрашивать про номер, которого он не помнит.

— Опять вы.

— Ещё разок.

— В прошлый раз ты так и сказал.

— В этот раз я с картинками.

Он показал ему портрет.

Парень вытер руки о штаны и взял лист за уголок.

Посмотрел.

Потом посмотрел на Рейнольдса.

— Может быть.

— Может быть?

— Ага.

— Это он?

Парень вернулся к рисунку.

— Не знаю.

— Ты видел, как он выходил с Джесси.

— Ночью. С парковки. Я ему в лицо не пялился, как идиот.

Он вернул лист.

— Похож на того типа, как я его помню.

— Какая часть похожа?

— Не знаю. Всё вместе.

— Мне от этого немного толку.

— Ну, что есть, то есть.

Симмонс вмешалась.

— Нам не нужно, чтобы ты был уверен, если ты не уверен.

Парень глянул на неё с благодарностью.

— Тогда я не уверен.

Рейнольдс убрал портрет.

— Ладно.

— И всё?

— Почти.

Парень откинул голову назад.

— Боже ж ты мой.

— Вспомни тот вечер. Не его лицо. Его самого.

— Это вообще как понимать?

— Что угодно, что резануло тебе глаз, а ты нам не сказал, потому что показалось ерундой.

— Я вам сказал про диски.

— Что-то ещё.

Парень посмотрел в сторону парковки.

Люди входили и выходили.

Мужчина хлопнул дверцей машины.

Женщина рылась в сумке.

— Он делал вот так.

Парень поднял запястье и повернул его к себе.

Рейнольдс наблюдал.

— Смотрел, который час?

— Наверно.
Парень повторил жест.
— Два раза, вроде.
— А часы у него были какие?
Парень так и застыл с поднятым запястьем.
Потом нахмурился.
— Никакие.
Симмонс посмотрела на Рейнольдса.
— Точно? — спросил тот.
— Не заставляй меня быть «точно» во всём.
— Ладно. Что ты помнишь?
— Что он вот так сделал.
Он снова глянул на воображаемое запястье.
— И что я ещё подумал: странно, часов-то нет.
Рейнольдс записал.
Больше ничего.
— Ещё что-нибудь?
— Ботинки.
— Что с ними?
Парень посмотрел на свои.
— Чистые были.
— И?
— Очень чистые.
Он указал на асфальт парковки.
— Тут пыль, даже если ты на пять минут заехал. А у него — будто из коробки.
— Новые?
— Не знаю. Чистые.
Рейнольдс записал и это.
ЗАПЯСТЬЕ БЕЗ ЧАСОВ (?)
БОТИНКИ ОЧЕНЬ ЧИСТЫЕ
Парень прочитал через плечо.
— Хилая какая-то улика, чтобы кого-то найти.
— Хилая.
— Хорошо, что я не полицейский.
— Мне в некоторые дни тоже.
Они вернулись в бар.
Портрет всё ещё лежал на столе Морриса.
Рейнольдс взял его.
Моррис уже убирал карандаши.
— Хочешь, что-то поправлю?
Рейнольдс посмотрел на Фрэнка.
— Ты бы что-то поправил?
Фрэнк покачал головой.
— Нет.
— Тогда остаётся.
Моррис закрыл папку.
— Это то, что он видел.
— Или то, что он запомнил.
— Мы работаем с тем и другим сразу.

Рейнольдс всё разглядывал лицо.

Чем больше рисунок походил на человека из памяти Фрэнка, тем меньше, похоже, он мог помочь его найти.

Марти прошёл мимо с ящиком.

Снова глянул на лист.

— Скажу тебе одну вещь.

Рейнольдс поднял голову.

— Ну?

— Зайди этот тип завтра в другой рубашке — я его, может, и не узнаю.

— Спасибо, подбодрил.

— Нет, я серьёзно.

Марти поставил ящик на пол.

— Есть люди: зайдут сюда — и запоминаются. Голосом, походкой, рожей примечательной. А этот…

Он подбирал слово.

— За этого ухватиться не за что.

Рейнольдс посмотрел на портрет.

Лицо, за которое не ухватишься.

Серая машина.

Номер, расколовшийся в памяти парнишки.

Запястье без часов.

Чистые ботинки.

И одна маленькая ложь.

«Это мой бар».

Немного.

Но кое-что Рейнольдс знал точно.

Этот человек сумел сесть рядом с Джесси так, словно всегда принадлежал этому месту.

Он говорил с ней так, словно их встреча здесь была совершенно естественным совпадением.

И Джесси ему поверила.

Рейнольдс убрал портрет в папку.

— Поехали.

Симмонс пошла следом к двери.

— Куда?

— В участок.

— А я думала, скажешь «искать его».

— Где?

Она улыбнулась.

— Я боялась, что у тебя найдётся ответ.

Они вышли на парковку.

Парень был в дальнем конце, переставлял машину.

Рейнольдс остановился.

— Лиза.

— Что?

— У нас лицо, которое никто не узнаёт, машина, каких во Флориде половина, и две детали, которые могут не значить ровным счётом ничего.

— Когда ты так говоришь, мы в шаге от разгадки.

— Именно.

Он пошёл дальше.

— Так я его не найду.
Симмонс догнала его.
— Тогда как?
Рейнольдс открыл дверцу машины.
— Если я не могу найти мужчину, я буду искать женщин.
Она смотрела на него.
— Каких женщин?
Рейнольдс бросил папку Джесси на заднее сиденье.
— Тех, что уже пропали.
В тот же вечер он приколол портрет к пробковой доске — между Джесси и Маргой.
Впервые у этого человека появилось лицо.
Рейнольдс отступил на шаг.
Много ли это меняло?
Он по-прежнему не знал его имени.
По-прежнему не знал, где он живёт.
По-прежнему не знал, видела ли Марга того же человека.
Но теперь он знал ещё кое-что.
Лицо может быть уликой.
А может быть — укрытием.
Он выключил свет в кабинете.
Утром он спустится в архив.

5

Уоллес не дал ему ни команды, ни приказа, ни ресурсов.

Он дал ему свободу действий.

И теперь у Рейнольдса было лицо.

Проблема заключалась в том, что это лицо не подсказывало, где искать.

Портрет, сделанный со слов Фрэнка, всё утро висел между Джесси и Маргой: мужчина лет сорока, каштановые волосы, заурядные черты, лёгкая улыбка. Лицо, которое трое работников «Шутерса» клялись, что не узнают, — и которое тем не менее сумело убедить Джесси, будто это его бар.

Рейнольдс смотрел на него уже почти час, когда Симмонс положила папку ему на стол.

— Оно не изменится.

— Что?

— Лицо.

Рейнольдс оторвался от доски.

— Угу.

— Ты пялишься на него с восьми.

— Жду, когда оно сделает что-нибудь полезное.

— Разболтается — дай знать.

Рейнольдс снова посмотрел на рисунок.

Человек без имени.

Серая машина.

Номер, вспомненный по кусочкам.

И две пропавшие женщины, которые, возможно, вообще не принадлежали одной истории.

Так он его не найдёт.

Нужно было больше.

Не больше о нём.

Больше женщин.

Он взял куртку.

— Идём вниз.

— Куда — вниз?

— В архив.

Симмонс посмотрела на него.

— Звучит хуже, чем улица.

— Вероятно.

Архив занимал длинное помещение в подвале — металлические стеллажи и коробки, пахнущие старой бумагой, сыростью и годами без вопросов.

Симмонс оглядела ряды.

— Что конкретно ты ищешь?

Рейнольдс подтащил стул к столу в дальнем конце, под единственную не мерцающую лампу.

— Марга была не нашей. Она попала к нам, потому что кто-то решил переслать мне рапорт.

— Да.

— А не перешли бы мне его — она бы так и лежала в коробке в другом округе.

Симмонс поняла.

— Ты хочешь поискать ещё коробки.

— Я хочу знать, сколько женщин ушло так, что никто не понял почему.

— Это сотни дел.

— Тогда начнём с самых похожих на наше.

Он выложил папку Джесси.

Потом папку Марги.

— Женщины, которые исчезают, не готовя отъезда. Без багажа. Без внятного объяснения. Дела, закрытые как «самовольный уход», потому что не нашлось ничего лучше, что написать.

Симмонс посмотрела на стеллажи.

— За сколько лет?

— Последние пять, для начала.

— «Для начала».

— Можешь идти домой.

Она взяла коробку.

— Заткнись.

В первую ночь они не нашли ничего.

Ни во вторую.

У большинства дел находилось объяснение, пусть и спустя месяцы.

Женщина, уехавшая с другим мужчиной.

Другая — нашедшаяся в другом штате.

Девушка, вернувшаяся домой через две недели.

Та, что оставила письмо, которое никто не нашёл, пока не разобрали ящик.

Разные истории.

Человеческие истории.

Рейнольдс откладывал их.

Он искал не женщин, которые исчезли.

Он искал другое.

Отсутствие, которое не стыковалось с жизнью, оставшейся позади.

На третью ночь он нашёл Алисию Форд.

— Лиза.

Симмонс подняла голову от своей коробки.

— Что?

— Иди сюда.

На столе перед Рейнольдсом лежала фотография.

Молодая девушка, афроамериканка, собранные волосы, огромная улыбка.

— Алисия Форд. Двадцать лет. Студентка местного колледжа. Полная стипендия. Отличная успеваемость. Пропала три года назад.

Симмонс подошла.

— Самовольный уход?

— Так и записали.

— Почему?

Рейнольдс перевернул страницу.

— Учебная перегрузка. Молодая. Денежные трудности. В рапорте сказано, что нельзя исключать, будто она решила всё бросить.

— Она что-то подготовила к отъезду?

— Нет.

— Одежду взяла?

— Нет.

— Деньги?

— Не значится.

— Проблемы в колледже?

— Обычные.

Симмонс взяла фотографию.

— Что тебя остановило?

Рейнольдс указал на одно из показаний.

— Вот это.

Показания однокурсницы.

Рейнольдс прочитал:

— «Алисия несколько недель искала старую книгу для курсовой. В библиотеке её не было, и в магазинах, говорила, тоже не находила. А однажды пришла счастливая-пресчастливая: какой-то парень в библиотеке дал ей свою — у него она была, и он её одолжил».

Симмонс нахмурилась.

— Парень?

— Читай дальше.

Рейнольдс повёл пальцем по тексту.

— «Она сказала, что они разговорились, потому что он читал как раз ту книгу, которая была нужна ей. Он её уже дочитал и предложил одолжить. Потом они обменялись ещё книгами».

— Имя?

— Нет.

— Описание?

— «Спокойный. Воспитанный. Начитанный».

Симмонс посмотрела на Рейнольдса.

— Любезный.

Тот не ответил.

Он вернулся к делу.

— Подруга говорит, Алисия была в восторге. Ей казалось невероятным совпадением.

— Может, так оно и было.

Рейнольдс поднял глаза.

— Да.

Симмонс выглядела удивлённой.

— Да?

— Библиотека полна людей с книгами. У человека может оказаться книга, которая нужна другому.

— На тебя не похоже.

— Я работаю над собой.

Симмонс перечитала показания.

— А если это не было совпадением?

Рейнольдс взял лист.

— Тогда мне нужно это доказать, прежде чем превращать во что-то другое.

Он посмотрел на фотографию Алисии.

— Но я хочу знать, кто был этот человек.

Они заново прошлись по всем интервью.

Подруга лично его не знала.

Она знала лишь то, что рассказывала Алисия.

Этот мужчина всплывал несколько раз в более поздних разговорах.

Они снова беседовали.

Обменивались книгами.

Алисия описывала его как человека, который слушает и умеет советовать книги, не заставляя чувствовать себя невеждой.

Ничего угрожающего.

Ничего такого, что у детектива три года назад нашёлся бы повод подчеркнуть.

Рейнольдс положил лист рядом с портретом по описанию Фрэнка, который принёс с собой из кабинета.

— Мы не знаем, тот ли это.

Симмонс сопоставила рисунок с делом.

— Мы даже не знаем, как выглядел тот, из библиотеки.

— Именно.

— Но ты хочешь повесить её на доску.

— Я хочу вытащить её из коробки.

Симмонс кивнула.

Вторая нашлась почти в полночь.

Перла Агирре.

Сорок три года.

Две работы.

Взрослый сын, живущий в другом штате.

Просроченные счета.

Дело закрыто как добровольный уход.

— Посмотри обоснование, — сказала Симмонс.

Рейнольдс прочитал.

— «Нестабильное материальное положение. Возможность добровольного переезда».

— Потому что была должна.

— Потому что была должна и никто не нашёл другого объяснения.

Он перелистал страницы.

Показания сослуживицы занимали едва ли полстраницы.

За несколько дней до исчезновения Перла рассказала случай на почте.

Огромная очередь.

Она спешила.

Мужчина, стоявший впереди, уступил ей свой талон.

Перла отправила посылку и убежала.

Позже, проходя мимо, увидела, что он всё ещё там.

Подошла поблагодарить.

Разговорились.

Всё.

Симмонс прочитала дважды.

— И это всё?

— Это всё.

— Мужчина пропустил её вперёд.

— Да.

— А она потом с ним заговорила.

— Да.

Рейнольдс не отводил глаз от бумаги.

Симмонс указала на папку Алисии.

— Одной нужна книга.

Потом на папку Перлы.

— Другая спешит.

Рейнольдс молчал.

— И появляется мужчина, который — какое совпадение — может помочь.

— Может.

— Опять «может».

— Потому что мы не знаем, один ли это человек.

— Нет.

— И не знаем, была ли книга подготовлена заранее.

— Нет.

— И не знаем, сделал ли тот, с почты, что-то ещё, кроме как пропустил спешащую женщину.

Симмонс посмотрела на него.

— Но это уже не кажутся тебе двумя случайными историями.

Рейнольдс покачал головой.

— Нет.

Он взял показания по Алисии.

Потом по Перле.

— Меня интересует не то, что им помогли.

— А что?

— Что в обеих историях женщина подходит потом сама.

Симмонс перечитала.

Алисия спрашивает про книгу.

Перла возвращается поблагодарить за услугу.

— Ему не пришлось настаивать, — сказала она.

— Если мы говорим об одном и том же человеке.

— Да.

Рейнольдс ткнул ручкой в слово.

— Вот это.

ЕСЛИ.

Он выписал его на отдельный лист.

— Пока за всем этим стоит одно «если».

В отдел убийств они поднялись во втором часу ночи.

Рейнольдс нёс под мышкой две папки.

Джесси.

Марга.

Алисия.

Перла.

Он разместил фотографии рядом.

Четыре женщины, совсем не похожие на коллекцию.

Джесси — двадцать пять.

Марге — сорок шесть.

Алисии — двадцать.

Перле — сорок три.

Разные жизни.

Разные работы.

Разные районы.

Рейнольдс отступил.

Симмонс встала рядом.

— Если их четыре.

— Да.

— Ты убьёшь меня этим словом.

— Оно нас держит в честности.
Она указала на фотографии.
— Что у них общего?
Рейнольдс отвечал не сразу.
— Не знаю.
— Джесси знакомится с мужчиной в очереди за правами.
— Да.
— Марга — с кем-то в очереди к врачу.
— Так говорит Рут.
— Алисия — с кем-то в библиотеке.
— Да.
— Перла — с кем-то на почте.
Рейнольдс смотрел на четырёх.
— Места обычные.
— Именно.
Ничего мрачного.
Ничего, что оправдывало бы страх.
Офис.
Врач.
Библиотека.
Почта.
Места, где ждут.
Где разговариваешь с незнакомцами, потому что больше нечего делать.
Симмонс посмотрела на портрет со слов Фрэнка.
— Думаешь, это он?
Рейнольдс разглядывал заурядное лицо.
— Думаю, прежде чем такое говорить, нам нужна больше чем одна свидетельница.
— С такой осмотрительностью ты станешь невыносим.
— Уоллес бы гордился.
— Не перегибай.
Рейнольдс едва улыбнулся.
Потом вернулся к четырём фотографиям.
Было ещё кое-что.
Джесси рассказывала о человеке, который помог ей с бланками.
Марга — о том, кто её слушал.
Алисия — о человеке, с которым делилась книгами.
Перла — о том, кто уступил ей очередь.
Разные жесты.
Мелкие.
Настолько обыденные, что ни один не уцелел в качестве зацепки.
— Лиза.
— Что?
— Что бы ты написала в одном из таких рапортов?
— О чём?
— О мужчине с почты.
Она подумала.
— Ничего.
— А о том, из библиотеки?
— Ничего, если нет ни имени, ни причины связывать его с исчезновением.

— О мужчине Марги?

— Наверное, то же самое.

Рейнольдс посмотрел на четыре лица.

— Вот в этом и проблема.

— В чём?

— В том, что если он существует, он не оставляет за собой ничего крупного.

Он указал на дела.

— Он оставляет вещи, которые никто не считает важными, пока их не положишь рядом друг с другом.

Симмонс посмотрела на доску.

— А мы до сих пор не знаем, должны ли они лежать рядом.

— Нет.

На этот раз никто не улыбнулся.

Рейнольдс потянулся к телефону.

Потом глянул на часы.

Четыре десять утра.

Он положил трубку обратно.

— Кому ты собрался звонить?

— В соседние округа.

— В четыре утра.

— Потому и положил.

— Взрослеешь. Я впечатлена.

Рейнольдс снова повернулся к доске.

Четыре женщины.

Возможно, четыре разные истории.

Возможно, нет.

На столе, наполовину заваленная папками, лежала школьная фотография — она была здесь уже много месяцев. Он глянул на неё едва ли секунду, прежде чем отвести взгляд.

Симмонс уже собирала вещи.

— Иди домой, Марк.

— Сейчас пойду.

— Ты всегда так говоришь.

Оставшись один, Рейнольдс подвинул стул к доске.

Он не искал сходства в лицах.

Его не было.

Он смотрел на места.

Бар.

Поликлиника.

Библиотека.

Почта.

Потом — на мелочи.

Бланк.

Внимание.

Книга.

Уступленная очередь.

Ничто из этого не доказывало, что за всем стоит один человек.

Но впервые у Рейнольдса был вопрос, который можно было задать за пределами Броварда.

Не «нет ли у вас убийцы, как мой?».

Он даже не знал, есть ли у него самого.
Вопрос был гораздо проще.
Нет ли у вас женщины, которая исчезла без убедительного объяснения?
И не говорила ли она перед этим о ком-то новом, кто не показался важным?
Рейнольдс взял листок и выписал список округов.
Утром он начнёт обзванивать.

6

— Так, расскажи мне, какой у тебя план.

Брукс сказал это без злого умысла, отчего было только больнее.

— Серьёзно, Марк. У тебя серый седан и воспоминания пацана, которому примерещилась «К», а может, две, и ноль. Что ты собираешься делать? Останавливать все серые машины на юге Флориды и спрашивать, который час, — вдруг они глянут на запястье без часов?

Он пожал плечами.

— Это не план. Это способ рехнуться.

Рейнольдс ответил не сразу.

На доске были Джесси, Марга, Алисия и Перла.

Четыре женщины.

А рядом — лицо, которое едва позволяло отличить одного мужчину от тысяч других.

— Ты прав, — сказал он наконец.

Брукс вскинул брови.

— Прости, что?

— По машине я его не найду.

— Вот это я слышал.

— И по портрету не найду. И по «К», которая может и не быть «К».

Рейнольдс поднялся и подошёл к доске.

— Так что я перестаю искать его.

Брукс посмотрел на фотографии.

— Будешь искать ещё женщин.

— Буду искать дела.

Симмонс подняла глаза от стола.

— Вот это прозвучало куда разумнее.

— Спасибо за доверие.

— Я не сказала, что оно разумное. Я сказала, что звучит разумно.

Рейнольдс указал на четыре папки.

— Перед нами четыре исчезновения, каждое из которых по отдельности получило своё объяснение. И в каждом есть что-то, что так и не встало на место.

— Или тебе теперь кажется, что не встало, потому что ты их сложил вместе, — сказала Симмонс.

Рейнольдс кивнул.

— Тоже верно.

Это заставило её посмотреть на него.

— Кто ты и что ты сделал с Марком Рейнольдсом?

— Я пытаюсь дожить до пятницы, чтобы Уоллес меня не уволил.

Брукс взял свой кофе.

— Вот это уже похоже на план.

Он начал тем же утром.

Он звонил не с вопросами о серых машинах.

Не о любезных мужчинах.

Не о женщинах, имеющих отношение к возможному убийце.

Он звонил с другим вопросом.

О закрытых делах, в которые сам детектив так до конца и не поверил.

Разница казалась небольшой.

Она не была небольшой.

С первого звонка его послали подальше.

Со второго велели подавать официальный запрос.

С третьего какой-то сержант пожелал узнать, почему детектив из Броварда роется в чужой работе.

С четвёртого пообещали перезвонить.

Не перезвонили.

После шестого Рейнольдс положил трубку и протёр глаза.

— Это как просить сахар у соседа, с которым не разговариваешь.

Симмонс продолжала читать дело.

— Смотря какой сосед.

— Никто не хочет говорить: «У меня есть дело, которое я закрыл, и я до сих пор думаю, что закрыл его плохо».

— Ты бы тоже не захотел.

— Именно.

Он снова взял трубку.

— Тогда перестань спрашивать, плохо ли они его закрыли.

Рейнольдс замер.

Симмонс подняла глаза.

— Спроси, какое дело они до сих пор помнят.

Он посмотрел на неё.

— А это было хорошо.

— Запиши. Не повторится.

Уоллес прознал на следующий день.

Разумеется.

Он вошёл с листом бумаги в руке и с тем своим спокойствием, которое всегда означало, что кому-то сейчас будет худо.

— Мне звонили из двух округов.

Рейнольдс не поднял глаз.

— И вам доброе утро.

— Не пытайтесь мне понравиться. Мы оба знаем, что не выйдет.

Симмонс опустила голову, пряча улыбку.

Уоллес положил лист на стол.

— Хотят знать, почему один из моих детективов расспрашивает об архивных исчезновениях за пределами своей юрисдикции.

— Потому что я расспрашиваю об архивных исчезновениях за пределами своей юрисдикции.

Уоллес посмотрел на него.

— С вами каждый день — приключение.

Рейнольдс отложил ручку.

— Я не утверждаю, что их дела связаны с нашими.

— Это меня страшно успокаивает.

— Я спрашиваю, нет ли у них дела, в которое они сами так и не поверили.

Уоллес указал на доску.

— И все они, полагаю, случайно окажутся вон там.

— Только если будут основания.

— А кто решает, есть основания?

— Пока что я.

— Вот это меня и беспокоит.

Уоллес подошёл к четырём фотографиям.

Смотрел на них с минуту.

— Что у вас есть на самом деле?

Рейнольдс стал перечислять.

— Четыре исчезновения без убедительного объяснения. В нескольких незадолго до этого появляется новый человек. Не всегда есть описание. Не всегда есть машина. Не всегда мы вообще знаем, существовал ли этот человек таким, каким его помнит свидетель.

Уоллес повернул голову.

— Звучит куда менее впечатляюще, чем вы обычно рассказываете.

— Я взрослею.

— Не увлекайтесь.

Уоллес снова глянул на доску.

— Одна неделя.

Рейнольдс ждал.

— Неофициально. Не создавайте группу, не звоните в прессу и не произносите «серийный убийца» при ком-либо, кто способен это повторить.

— Я и не собирался.

— Меня больше беспокоит, когда вы так говорите.

Он направился к двери.

— И мне нужно что-то получше, чем «приятный мужчина» и «серая машина».

Он остановился.

— Что-то, что я смогу читать, не задаваясь вопросом, правда ли я тридцать лет платил вам зарплату ради этого.

— Это сильно сужает мои возможности.

— Одна неделя, Рейнольдс.

Он вышел.

Брукс дождался, пока закроется дверь.

— По-моему, ты ему нравишься.

— В глубине души, — сказала Симмонс.

Рейнольдс погрозил ей пальцем.

— Не начинай.

Полезный звонок случился на следующий день.

Округ в глубинке.

Детектив Марш.

Голос принадлежал, судя по всему, человеку, который слишком много лет отвечал на звонки, никогда не приносившие хороших новостей.

Рейнольдс задал вопрос так, как предложила Симмонс.

— Я ищу не конкретный тип исчезновения. Я ищу такое, которое вы до сих пор помните. Такое, в официальное объяснение которого вы сами до конца не поверили.

На том конце ответили не сразу.

Потом:

— На какую давность?

— Какую вспомните.

Ещё одна пауза.

На этот раз Рейнольдс не стал её заполнять.

— У меня была одна, — сказал Марш.

Рейнольдс взял ручку.

— Рассказывайте.

— Лет пять назад. Может, больше. Придётся достать коробку.

Послышался скрип стула.

Ящик.

Бумаги.

— Вдова. За пятьдесят. Жила одна, недавно овдовела. Денег достаточно. Семья в другом штате.

Марш шуршал страницами.

— Объяснение было такое: уехала. Путешествие, траур, новая жизнь. Семья поздно забеспокоилась, потому что она была из тех женщин, которые могут сесть на самолёт, ни у кого не спрашиваясь.

— А вы в это поверили?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Рейнольдс перестал писать.

— Почему?

Марш помедлил.

— Потому что она оставила слишком много недоделанного.

Рейнольдс посмотрел на четыре фотографии на доске.

— Продолжайте.

— Встречи. Переписка. Обед с сестрой, который они неделями планировали. Мелочи. Ничего такого, что что-то доказывало бы.

Он перевернул ещё страницу.

— И там была домработница.

— Что она сказала?

— Что хозяйка в последние недели была другая.

Рейнольдс промолчал.

— Повеселела. Окрилённая, её слово.

Ручка вернулась к бумаге.

— Почему?

— Мужчина.

Рейнольдс поднял взгляд на Симмонс.

Она смотрела на него.

— Имя?

— Нет.

— Кто-нибудь его видел?

— Домработница — нет. Хозяйка о нём рассказывала.

Марш снова зарылся в папку.

— Вот оно. «Джентльмен». Вот слово, которое она употребила. Воспитанный. Спокойный. Он её слушал.

Рейнольдс секунду не писал.

Потом написал.

НОВЫЙ МУЖЧИНА — ВОСПИТАННЫЙ / СЛУШАЕТ

— Что-то ещё?

— Минутку.

Ещё страницы.

Марш замолчал.

— Детектив?

— Читаю свою пометку.

— Что там?

— Сосед упоминал машину, которая несколько дней стояла напротив дома.

Рейнольдс чуть сильнее сжал ручку.

— Какую машину?

Марш ответил не сразу.

— Серую.

Симмонс поднялась.

Рейнольдс поднял руку в её сторону.

Погоди.

— В пометке машина связана с тем мужчиной?

— Нет.

— Сосед видел водителя?

— Судя по этому — нет.

— Тогда мы не знаем, имеет ли она отношение.

Марш сухо хохотнул.

— Вы изо всех сил стараетесь испортить себе собственную теорию.

— Я стараюсь её не выдумать.

Это, похоже, понравилось собеседнику.

— Хорошо.

Марш вернулся к страницам.

— В пометке сказано просто: «Серый автомобиль, припаркованный напротив дома в предшествующие дни. Видимой связи не имеет».

Пауза.

— Видимой связи не имеет. Так я и написал.

Рейнольдс смотрел на доску.

Он не почувствовал триумфа.

Он почувствовал другое.

Неприятное ощущение, будто услышал знакомую фразу в чужой комнате.

— Я хочу прочитать всё дело целиком, — сказал он.

— Отправлю.

— Не только эти показания. Всё.

— Всё.

— И ещё кое-что.

— Говорите.

— Не хочу, чтобы вы что-то меняли в пометках перед отправкой. И не хочу, чтобы вы заново опрашивали кого-то с оглядкой на мои дела.

Марш понял мгновенно.

— Не хотите ничего загрязнить.

— Хочу знать, что там было до моего звонка.

Марш помолчал.

— Вот это мне нравится.

— А мне не очень.

— Почему?

Рейнольдс посмотрел на четыре фотографии.

— Потому что если в деле написано то, что вы мне сейчас рассказали, у нас появится ещё один вопрос.

— Какой?

— Не годами ли мы смотрим на отдельные истории, которые давно следовало сравнить.

Марш выдохнул.

— Я пять лет думаю об этой женщине.

Рейнольдс ждал.

— Я никогда не верил, что она просто уехала.

В голосе не было драматизма.

Только усталость.

— Я не хочу, чтобы вы сказали, что я был прав, — продолжил Марш. — Я хочу знать, что случилось.

Рейнольдс кивнул, хотя тот не мог этого видеть.

— Я тоже.

Когда он повесил трубку, Симмонс уже стояла рядом.

Брукс отставил кофе.

— Ну, — сказал он, — вот это уже что-то.

Рейнольдс покачал головой.

— Это дело, которое мы ещё не прочитали.

Брукс развёл руками.

— Новый мужчина. Воспитанный. Слушает. Серая машина.

— Серая машина, которая, мы не знаем, его ли.

— Ненавижу, когда ты так делаешь.

— Знаю.

Симмонс взяла записи.

— Но тут есть одно отличие.

Рейнольдс посмотрел на неё.

— Марш сказал всё это раньше, чем узнал, что есть у нас.

Рейнольдс кивнул.

Они не звонили с просьбой: «поищите любезного мужчину».

Они не спрашивали: «там не было серой машины?».

Марш открыл старую коробку и нашёл эти слова сам.

Брукс посмотрел на доску.

— Так, а её вешаем?

Рейнольдс посмотрел на пустое место рядом с Перлой.

— Пока нет.

— Серьёзно?

— Когда придёт дело.

Симмонс улыбнулась.

— Ты определённо взрослеешь.

Факс заработал вскоре после этого.

Первый лист вышел криво.

Потом ещё один.

Потом фотография.

Женщина за пятьдесят, ухоженная, смотрела в камеру с робкой улыбкой.

Рейнольдс положил её на стол.

Не стал прикалывать.

Они читали.

Почти час.

История Марша была верна.

Но в ней было и то, что не совпадало с четырьмя делами Броварда.

У женщины были деньги.

Она путешествовала.

У неё была семья.

Она не жила, как Марга.

Она не была в возрасте Алисии.

Не было ни одного свидетеля, видевшего того мужчину.

Машина могла не иметь к делу ровно никакого отношения.

И всё же — вот они, эти слова.

Джентльмен.

Воспитанный.

Он её слушал.

Симмонс отложила дело.

— Теперь?

Рейнольдс взял фотографию.

Отнёс её к доске.

Поставил рядом с остальными четырьмя.

Пять.

Брукс смотрел на неё.

— Что это значит?

Рейнольдс отступил.

— Что у нас есть пять исчезновений, которые стоит рассматривать вместе.

— Не очень волнительно звучит.

— Отлично.

Симмонс подошла ближе.

— И что теперь?

Рейнольдс посмотрел на пять лиц.

Потом на телефон.

Взял чистый лист.

Наверху написал:

НЕ СПРАШИВАТЬ, ЕСТЬ ЛИ У НИХ МОЁ ДЕЛО.

Ниже:

СПРАШИВАТЬ, КАКОЕ ИХ СОБСТВЕННОЕ ДЕЛО ОНИ ТАК ДО КОНЦА И НЕ ПОВЕРИЛИ.

Брукс читал через его плечо.

— И это всё?

Рейнольдс снова взял трубку.

— Пока.

Он набрал следующий номер.

Теперь он уже знал, что спрашивать.

7

После Марша Рейнольдс больше не звонил наугад. Он звонил, зная, что спрашивать.

Он изменил манеру, изменил даже голос. Больше не извинялся за беспокойство и не ходил вокруг да около. Он закрывал дверь кабинета, чтобы Уоллес не слышал каждый разговор, клал перед собой список номеров, нацарапанный от руки на обороте протокола, и спрашивал напрямик:

— У вас есть дело, в которое вы сами так до конца и не поверили?

Поначалу вопрос сбивал с толку.

— Не поверил во что?

— В объяснение, под которым его закрыли.

И дальше он ждал.

Это работало.

Не всегда.

Но достаточно часто.

Хендри был первым в то утро.

Трубку взяла женщина с медленным, усталым голосом.

— Детектив Рейнольдс, Бровард.

— Да.

— Я пересматриваю старые исчезновения взрослых женщин. Дела без тела, без явных следов насилия, закрытые как добровольный уход.

— У нас есть несколько таких.

— Мне не нужны все.

Рейнольдс глянул на фразу, выписанную накануне вечером.

— Мне нужны те, которые у вас самих так и не сошлись.

На том конце повисла тишина.

Потом:

— Подождите.

Рейнольдс улыбнулся.

Симмонс видела это со своего стола напротив.

— Ещё одна?

Он поднял палец.

Женщина вернулась.

— У меня два.

Рейнольдс приготовил ручку.

— Рассказывайте.

Первой была Рейчел Сото.

Официантка в придорожном кафе.

Пропала четыре года назад.

Жила одна.

Записки не оставила.

Багажа пропало недостаточно, чтобы думать о переезде.

Сослуживица вспомнила, что за неделю до исчезновения какой-то мужчина пару раз помог ей с тяжёлыми коробками.

Больше ничего.

Имени не знали.

Полезного описания не было.

— Как его описала сослуживица? — спросил Рейнольдс.

Детектив поискала.

— Тут написано: «воспитанный». И… минутку.

Шорох страницы.

— «Очень охотно помогал».

Рейнольдс записал.

РЕЙЧЕЛ СОТО — НОВЫЙ МУЖЧИНА / ПОМОЩЬ

— Машина?

— Сосед упоминал серую.

Рейнольдс перестал писать.

— Точно?

— Точно, что упоминал. Не точно, что она имеет отношение.

— Мне так даже больше подходит.

Женщина, похоже, уловила тон.

— Вторая — Тереза Лэнг.

Воспитательница в детском саду.

Недавно разошлась с мужем.

Рассказывала коллеге, что иногда разговаривает с мужчиной в парке неподалёку от работы. Он говорил, будто у него дочь, которая плохо читает.

Тереза давала ему советы.

Они встретились ещё несколько раз.

— Кто-нибудь его видел?

— Толком никто.

— Имя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.